

№ 4052

**Б 63
О-826**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Методические разработки

**НОВОСИБИРСК
2011**

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б 63
О-826

№ 4052

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Методические разработки
для студентов всех факультетов
по выполнению научно-исследовательской работы

НОВОСИБИРСК
2011

ББК 63.03р30ю16я73+74.580.268ю16я73
О-826

Составитель
канд. ист. наук, доц. *Е.И. Красильникова*

Рецензент
канд. ист. наук, доц. *И.Г. Адоньева*

Работа подготовлена на кафедре истории и политологии

Методические разработки предназначены для студентов НГТУ всех факультетов и специальностей очной формы обучения. Они содержат разделы, посвященные характеристике возможных направлений научно-исследовательской работы студентов по истории («Устная история» и «Некрополистика»). Данное издание предназначено для самостоятельной работы и для индивидуальных консультаций студентов с научным руководителем.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Методические разработки

Редактор *И.И. Кванская*
Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Компьютерная верстка *В.Н. Зенина*

Подписано в печать 21.10.2011. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 2,32. Печ. л. 2,5. Изд. № 264. Заказ № Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

© Новосибирский государственный
технический университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Устная история	5
Некрополистика.....	22
Библиографический список.....	40

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-исследовательская работа студентов является частью общего образовательного процесса и включается в содержание всех изучаемых дисциплин, в том числе и истории. В задачи научно-исследовательской работы студентов входит:

- формирование навыков творческого профессионального мышления путем овладения научными методами познания и исследования;
- обеспечение единства образовательного (учебного и воспитательного), научного и практического процессов;
- создание и развитие условий, обеспечивающих возможность для каждого студента реализовывать свое право на творческое развитие личности, участие в научных исследованиях и научно-техническом творчестве – полноценное, равное и доступное для каждого в соответствии с его потребностями, целевыми установками и способностями.

Научно-исследовательская работа по истории осуществляется студентом индивидуально, предполагает обязательные консультации научного руководителя – преподавателя истории. Результаты исследований студенты презентуют на научно-практической конференции. Лучшие доклады рекомендуются к представлению на ежегодной городской научно-практической конференции студентов.

Данные методические разработки содержат рекомендации студентам по научно-исследовательской работе. Автор методических разработок представляет возможные направления студенческих исследований, объясняет соответствующие им методы, предлагает возможные темы студенческих работ, приводит примеры исследований, соответствующих данной тематике.

Устная история

1. Что такое «устная история» и устные источники?

Одним из направлений научно-исследовательской деятельности студентов технической специальности по истории может стать так называемая «устная история». *Устными источниками* – рассказами очевидцев значимых для общества событий прошлого – пользовался еще отец исторической науки Геродот. Технический прогресс дал ученым возможность точной фиксации таких рассказов, их дальнейшей расшифровки и интерпретации. Устный, «звучащий» источник фиксирует больше информации, чем письменный текст, точнее передавая эмоции рассказчика, особенности его речи, отражая множество посторонних звуков, характерных для конкретного времени и места и т. п. Таким образом, устный источник воспринимается как более «живой», позволяет глубже прочувствовать слова мемуариста.

Интерес к рассказам наших старших современников о прошлом продиктован не только стремлением узнать новые, прежде неописанные факты, но и желанием историков проникнуть в мир «безмолвствующего большинства» – людей, чей жизненный опыт обычно не фиксируется в письменных источниках. Запись устных воспоминаний необходима для изучения социальной истории. Устные источники способны пролить свет на прошлое целых профессиональных и половозрастных групп, религиозных, этнических, национальных меньшинств, на особенности их повседневной, трудовой жизни, социальной самоорганизации и т. п. Устные источники часто открывают нам неизвестные стороны уже известных событий. Но, говоря словами А. Портелли, «по-настоящему уникальная и драгоценная для историка особенность устного источника, которой не обладает в такой степени ни один другой тип источника, – это субъективность рассказчика»¹. Поэтому, перспективно использовать устные источники и для изучения ментальности, общественного мнения, исторической памяти, т. е. субъективного мира «простых» людей. Устный источник отражает представления человека о самом себе, об обще-

¹ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. – С. 40.

стве, о той действительности, в которой он жил ранее и живет теперь. Люди воспринимают окружающий их мир в соответствии со своими представлениями о нем, основанными на опыте прошлой жизни. Воспоминания неизбежно содержат не только изложение фактов, но и интерпретацию событий их автором.

Важно понимать, что на память отдельно взятого индивида оказывает существенное влияние общество, индивидуальные воспоминания всегда зависимы от «коллективной рамки памяти», т. е. от опорных, базовых воспоминаний, присущих современному обществу, обусловленных пространственно-временными обстоятельствами². Иначе говоря, память – это не чисто индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений. На самом деле, память в значительной степени определяется обществом. Социальная память – это сильно расширенный вариант автобиографической памяти, которая дополнена памятью других членов социальной группы о наиболее значимых для нее событиях. Индивидуальная и коллективная память теснейшим образом, имманентно взаимосвязаны, они взаимно проникают друг в друга. Поэтому устный источник всегда многослоен и сложен по структуре.

2. Как создаются устные источники?

Создание устных источников может происходить в опоре на разные методы. В настоящее время широко используются *метод анкетирования* и *биографический метод*. В первом случае исследователь заранее составляет опросник, включающий интересующие его вопросы. В ходе устной беседы интервьюер последовательно опрашивает своего респондента в опоре на домашнюю заготовку. При использовании биографического метода исследователь так же может иметь при себе домашнюю заготовку в виде опросника. Но, в начале беседы он предоставляет своему собеседнику рассказать о себе все, что тот посчитает необходимым. После этого исследователь задает уточняющие вопросы и только потом переходит к вопросам из своей анкеты. Метод анкетирования целесообразнее использовать, если исследователя больше интересует выяснение новых фактов социальной, политической повседневной истории. Биографический метод позволяет составить гораздо более глубокое представление о личности рассказчика, о его индивидуальном восприятии собственного прошлого.

² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007. – С. 28.

В зависимости от цели проекта исследователь может выбрать методику записи интервью, или попытаться сочетать разные методы. Для разных респондентов могут быть составлены разные вопросники, учитывающие их индивидуальность. Беседы с одним и тем же респондентом могут повторяться.

3. Возможные направления занятий студентов «устной историей»

Направлений работы студентов в рамках «устной истории» может быть несколько. Во-первых, студенты могут участвовать в записи и расшифровке текущих устно-исторических исследовательских проектов преподавателей кафедры истории и политологии. Во-вторых, студенты, объединившись в группы, могут реализовать свой собственный проект под научным руководством преподавателя. В-третьих, возможно и индивидуальное выполнение собственного устно-исторического исследования. По желанию студенты могут заниматься лишь интервьюированием и расшифровкой интервью, участвуя в создании кафедральной коллекции воспоминаний, либо двигаться дальше, пытаясь дать интерпретацию созданными ими источникам.

4. Рекомендации по записи и расшифровке интервью³

1. Начать работу с будущим респондентом целесообразнее с пилотного интервью. Познакомьтесь заранее. Поясните, что вы хотите узнать из рассказа вашего собеседника, объясните важность своей работы. Постарайтесь расположить вашего респондента к себе, вызвать у него симпатию и доверие.

2. Историк П. Томпсон считает, что «существует несколько важнейших качеств, которыми должен обладать умелый интервьюер: интерес и уважение к людям как к личностям, гибкость реакции, способность проявлять понимание и сочувствие к точке зрения другого человека и, конечно, готовность тихо сидеть и слушать».

³ Составлено на основе работ: Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. – М., 2003; Щеглова Т.К. Методика сбора устных источников. – Барнаул, – 2006; Лейбова Е.К., Хльгина О.М. Устные исторические источники на школьных уроках истории. – Новосибирск, 2011.

3. Перед интервью ознакомьтесь с предметом будущей беседы, опираясь на доступные вам источники информации. Вы не должны показаться собеседнику человеком далеким от темы разговора.

4. Тщательно продумайте свой первый вопрос. Он не должен быть слишком общим. Просьба: «Расскажите мне историю своей жизни» – приводит, в общем, к плачевному результату. Рассказ, скорее всего, будет коротким, даже сжатым, просто потому что информаторы не понимают, что интересуется исследователя. Ваш первый вопрос должен содержать конкретику, но и не задавать для респондента слишком узких рамок.

5. Будьте пунктуальны и вежливы. Ведите себя естественно, старайтесь выдерживать тон непринужденной беседы, а не допроса. Не старайтесь обязательно задать все заготовленные заранее вопросы, ориентируйтесь на настроение и интерес собеседника. Старайтесь слушать *активно* (мимикой и жестами демонстрировать согласие, заинтересованность, сочувствие, иногда повторять фразы рассказчика, ненавязчиво задавать вопросы, продолжающие эти фразы) и *методично* контролировать слишком далекий отход от темы, не забывать о цели своего интервью.

6. Существует несколько основных принципов формулировки вопросов, которые применимы к любому интервью. Вопросы всегда должны быть как можно более простыми, прямыми, на понятном собеседнику языке. Никогда не задавайте сложных вопросов «с двойным дном». Избегайте формулировок, предполагающих неоднозначный ответ: например, лучше спросить: «Как часто вы посещали церковь?», чем «Вы часто ходили в церковь?». Но если вам нужно установить конкретные факты, получить описание чего-либо или комментарии, то и формулировки должны быть иными. В этом случае требуются вопросы в неопределенной форме, например: «Расскажите мне о...», «Что вы думаете, чувствуете по этому поводу?», «Можете ли вы это описать?». Одним из важнейших качеств специалиста по устной истории является способность преодолеть рамки стереотипных или ни к чему не обязывающих обобщений и добраться до конкретных воспоминаний.

7. Старайтесь избегать наводящих вопросов. Если вы выражаете собственное мнение, особенно на начальной стадии интервью, то получите ответ, который, как думает информант, вы хотели бы услышать, а значит, ненадежные или ложные данные. Вопросы следует тщательно формулировать, что бы в них не содержалось и намек на

желаемый ответ. Надо избегать вопросов, которые заставляют информантов думать так же как вы, а не так, как привыкли думать они. Хорошо, если ваши респонденты будут пользоваться собственной «терминологией».

8. Если вы работаете в команде, и речь идет о проекте, связанном со сравнительным анализом любого масштаба, то хорошо бы разработать подробный план проведения интервью. Чем лучше вы знаете, какие вопросы, и в какой формулировке задать, тем больше получите информации от любого респондента. В этом случае будет особенно полезен отпечатанный экземпляр плана опроса. Но все же лучше знать вопросы наизусть и задавать их в нужный момент, а план держать про запас. По существу, это – карта интервьюера, с ней можно сверяться время от времени, но для уверенной ориентации лучше хранить ее в памяти.

9. Эффективный прием вызвать у собеседника новые воспоминания – это использование «стимуляторов памяти». Вам могут пригодиться старые фотографии, семейные раритеты, почетные грамоты, справочник местных улиц и т.п.

10. Место интервью должно быть таким, чтобы ваш собеседник чувствовал себя комфортно и непринужденно. Важно, чтобы вас не отвлекали, не сбивали с мысли. Лучше всего беседовать в доме респондента, если предмет интервью – трудовая биография вашего собеседника, то для встречи лучше подойдет рабочее место. Иногда полезно прогуляться вместе с респондентом по окрестностям, особенно если вы изучаете историю улиц, районов, деревень и пр.

11. Почти всегда лучше проводить интервью наедине с информатором. Общение с глазу на глаз создает атмосферу полного доверия, в которой гораздо легче добиться прямоты и откровенности. Это оправдано и по отношению к пожилым супружеским парам, которые особенно близки друг к другу. Пожилая пара, или брат с сестрой часто могут внести поправки в получаемую информацию, что, конечно, важно. Кроме того, они могут стимулировать воспоминания друг друга. Присутствие на интервью другого человека не только мешает искренности информатора, но и заставляет его неосознанно придавать своему рассказу социально приемлемый характер.

12. Интервью – это социальная связь между людьми, имеющими свои собственные привычки, игнорирование которых способно разорвать эту связь. По сути, интервьюер должен проявить интерес к респонденту, позволить ему говорить, сколько он хочет, не преры-

вая его постоянно, но в то же время, по необходимости, направляя ход его рассуждений, подсказывая, о чем нужно говорить. Это предполагает атмосферу сотрудничества, взаимного доверия и уважения. Интервью – это не диалог и не разговор. Вся суть его заключается в том, что бы дать возможность говорить информанту. Ваша же роль состоит прежде всего в том, что бы слушать. Но, продолжайте демонстрировать свой интерес к интервью на протяжении всего разговора. Особенно важно не противоречить информанту и не спорить с ним.

13. Обсуждение прошлого иногда может воскресить болезненные воспоминания, по-прежнему вызывающие сильные эмоции, часто способные расстроить информатора. Если такое случилось, не смущайтесь от слез или извинений; поддержите его естественно и мягко, как друга, и после паузы спросите, хочет ли он продолжить. Постарайтесь закончить интервью на непринужденной ноте.

14. Ведите полевой дневник. Всегда фиксируйте дату беседы, ее место, имя и год рождения вашего собеседника. По ходу рассказа отмечайте письменно то, что вам не понятно. После интервью запишите собственные комментарии по поводу условий беседы, характера информатора, его дополнительные замечания, свои собственные суждения о беседе.

15. Расшифровывайте аудиозапись дословно. Старайтесь передать знаками препинания особенности речи вашего собеседника. Если это не возможно, опишите в квадратных скобках его эмоции, укажите на обстоятельства, мешающие беседе и пр. Не пытайтесь редактировать текст, «олитературивать» его.

16. Готовую расшифровку целесообразно предоставить вашему собеседнику для сверки и заверения подписью.

5. Примерная тематика устно-исторических исследований

1. Военное детство в сибирском селе в отражении устных источников.
2. Повседневная жизнь в городе (селе) послевоенной поры в отражении устных источников.
3. Проблемы послевоенной семьи по материалам устных источников.
4. Заводские будни коллектива рабочих (предприятие – на выбор) в отражении устных источников.

5. Пионерское детство в воспоминаниях наших старших современников.

6. Комсомольская юность в воспоминаниях наших старших современников.

7. Комсомольские свадьбы в воспоминаниях наших старших современников.

8. Устные воспоминания пожилых новосибирцев об учебе в выпускном школьном классе.

9. Учеба в институте поколения 70-х гг. XX в. (по воспоминаниям выпускников НГТУ).

10. Любовь и дружба в студенческой среде 1960–1980-х гг. (по воспоминаниям выпускников новосибирских вузов).

11. История кафедры (на выбор) НГТУ в устных воспоминаниях ее ветеранов.

12. Праздники и памятные даты брежневской поры по материалам устных источников.

13. Новосибирск 1970–1980-х гг. по материалам устных источников.

14. Городской транспорт Новосибирска советской поры по материалам устных источников.

15. Проблемы повседневной жизни новосибирцев 1970–1980-х гг. по материалам устных источников.

16. Распад СССР в воспоминаниях наших старших современников.

17. Кризис 1990-х гг. в устных воспоминаниях школьных учителей.

18. Кризис 1990-х в устных воспоминаниях бывших колхозников села (на выбор).

19. Семейные проблемы родителей 1990-х гг. в отражении устных воспоминаний.

20. Культура начала 1990-х гг. в отражении устных воспоминаний.

Для своего научного исследования студенты могут сформулировать тему самостоятельно, ориентируясь на собственные интересы и круг потенциальных респондентов.

В качестве образца расшифровки устного источника ниже приводятся два текста, полученные в результате беседы автора данного пособия с ветеранами новосибирского промышленного предприятия «Элсиб». Беседа проходила в рамках научно-исследовательского проекта коллектива кафедры истории и политологии по теме «Трудовая и общественная жизнь на НПО «Элсиб» в нарративе устных воспоминаний ветеранов предприятия.

Интервью с Колесниковой Эльмирой Дмитриевной, 1939 г. рождения

Записано 22 апреля 2011 г. в Новосибирске⁴

И. Нам хочется, чтобы вы рассказали о своей жизни и о том времени, когда вы работали на этом заводе. Ну, что ж, представьтесь, пожалуйста, как вас зовут? Где вы родились? В каком году?

С. Колесникова Эльмира Дмитриевна. Я – коренная ленинградка, все мои предки жили в Ленинграде со времен Петра Первого. Когда началась война, мне исполнилось два года. Мы с мамой обе июньские, отметили подряд два дня рождения, а потом папа сразу ушел на фронт. Мама тоже ушла радисткой, всю войну была под Ленинградом. Сидела по пояс в ленинградских болотах, там заболела, осложнение на сердце, потом рано умерла. Мы в войну жили с бабушкой, родители воевали, я их, считай, и не знала. И была эвакуация. Последние эшелоны тогда уходили, нас не успели вывезти – наш эшелон разбомбили. И так до сорок четвертого года мы прожили «под немцами». После войны до пятидесятых годов папу отправили служить в Прибалтику, там были «лесные братья». Их сейчас в Прибалтике многие считают героями, но я могу сказать, что они были настоящие сволочи. Отец занимался их вылавливанием. Учиться я поехала снова в Ленинград в Политехнический институт. Закончила инженерно-экономический факультет. Мы изучали детали машин, все технологии, выпускались инженерами с экономическим профилем. После выпуска я могла остаться в Ленингаде, но мне захотелось самостоятельности и я уехала в Сибирь.

Вы обратили внимание: Эльмира – это ведь азиатское имя, но на самом деле это так отец назвал меня в честь электрификации. Так вот, я после института имела право выбора, но ехать в маленькие города не хотела.

И. А Как вы восприняли Новосибирск сразу после приезда?

С. Оперный театр, «Красный факел», консерватория, филармония – все это мне понравилось. Ленинградцы ведь на этом просто помешаны. Театральное кафе на Невском в годы учебы было нашим любимым местом. В нашей группе был один новосибирец, который сказал, что это – хороший город. И я приехала сюда. Завод

⁴ Условные обозначения в тексте: И – интервьюер; С – собеседник.

меня, конечно, потряс! Коллектив, люди, цех! Я – технолог, и инженер, и экономист. Спортом здесь занимались, были потрясающие фестивали. Три года отработала в цехе, вышла здесь замуж. Мне повезло во всем. Хорошие были руководители: и Потехин, и Иванов, и главный инженер Школьников – он курировал молодежь, всеми нашими вопросами интересовался. Великий, просто, человек: специалист, красавец, мы его все обожали. Он нас технически подготовил, мы от него узнали все о продукции, о заводе. В институте-то толком практики не было, халява... А тут сразу окунаешься в работу. Зам. начальника отдела труда и зарплаты – Шустов Александр Иванович, он – кадровик от Бога. Ну, начинала я в службе главного энергетика, там начинала, десять лет работала. Не хотела идти в плановый отдел. Там скучно, а я всегда хотела работать с людьми. И теперь я знаю весь завод. Мы с Шустовым два года создавали нормативную базу, уже через полгода у рабочих появилась премия, я стала «королевой», конечно все были благодарны. Учеба. Учеба была регулярно, нас отправляли на учебу при министерстве электротехнической промышленности. База обучения была очень хорошая, профессора, специалисты завода «Электросила» (это – Ленинград). Многие наши специалисты были оттуда, это – наша база. Плюс Харьковский электромеханический, Саранский электротехнический завод. Это – три были лучших в стране предприятия. У нас, например, начальник планового отдела Михаил Григорьевич Карпухин, кандидат экономических наук уехал в Москву, создал школу – школа Карпухина. Много у нас было разработок, в постоянном были контакте с Академгородком. Я приехала в шестьдесят первом году, так здесь тогда только начиналась экономика. А я была хорошо подготовлена. Меня учил Дмитрий Иванович Олинов – мой руководитель, профессор старой школы. Так я знала и экономику социализма, и экономику капитализма. Сначала у нас работал плановый, бухгалтерский, финансовый отдел труда и зарплаты, их объединили и, вот эти отделы вместе разрабатывали хозрасчетную систему. Мы объехали все крупные заводы, мы создали школу экономистов грамотных технически. Потом после Карпухина Чиркина Александра Дмитриевна, в семидесятые годы она была, начальник планового отдела. И Воронов Иван Александрович – чистый производственник, зам. директора по производству и экономике, никогда он не повышал голос, не отчитывал. Чтоб говорили: «Начальник – дурак», такого никогда не было. Хозрасчет мы внедрили на производстве, его оценили, рост начался,

премии. Отношение к экономистам сразу улучшилось. Без экономистов на заводе вообще не было планерок. Потом мы освоили компьютер, ЭВМ получили одними из первых, стали внедрять систему учета и планирования. Потом, еще проблема – очень много было бумаги, надо было избавляться от бумажной работы.

Мне всегда надо было творчества. И я в этом тоже смогла себя реализовать. Я много писала статей и в «Вестник машиностроения», и в «Экономическую газету», в «Советскую Сибирь». Мы все время давали сводки о выпуске продукции, темпах роста, в «Вечерку», каждую неделю давали материал. Потом, своя была газета «Генератор», там у нас свои были развороты по экономике. Хотела я быть журналистом и в этом себя реализовала.

И. А как у вас на предприятии с молодежью работали. В курс дела как вводили?

С. О, ну, подготовка кадров – это обязательно. Экономическая подготовка – это школа Карпущина. Наше предприятие в министерстве занимало первые места по планированию, по производительности труда, по качеству. Был отдел новой техники. По этим показателям мы обгоняли «Электросилу», только так. Потом, у нас была лаборатория экономического анализа, я была начальником, ко мне стекались все данные. Я постоянно была в цехе. Десять лет уже не работаю, а со мной здоровается половина завода. Конечно, я по Литве скучаю, но меня лишили литовского гражданства. Может в глубине души я и жалею, что не уехала, но русским там сейчас плохо. А тут я сорок лет отработала, вся жизнь тут прошла.

И. А как изменилась обстановка на заводе в 90-е годы?

С. Меня в восемьдесят девятом году отправили в Москву. Перестройка. Потом встал вопрос о приватизации. И в министерстве нас познакомили с Чубайсом. Это ужас был какой-то! Он председателем Госкомимущества был, молодой тогда еще, лет тридцать пять. Думал, что мы – провинциалы неграмотные, «лапшу на уши вешать» начал. А тут – я, главный бухгалтер, в общем, четыре человека. Он тогда для нас вообще был еще никто, он ничего не знал. Не был вообще экономистом, рыжий, наглый хам, растерялся от наших вопросов. А мы-то знаем о чем говорим, были в себе уверены, сказали что его программу нельзя выпускать, что это – провал сразу!

Потом в это время мы занялись арендой, нам это понравилось, рабочие сами научились считать свою прибыль. Наша лаборатория работала всю документацию, уставы, все юридические документы. Мы

одними из первых в Новосибирске стали акционерным обществом. У нас ведь завод, производство и плюс наука – идеальный вариант промышленного предприятия. А потом все пошло прахом, ни зарплата... Сокращения пошли. Мы были все против развала Советского Союза. Наши машины поставлялись по всему Союзу: Рига, Эстония, средняя Азия, все ГЭС, ТЭЦ (Нарым и прочее), Кавказ – Армения, Украина – Сумской насосный завод, Белоруссия... Я не знаю, кто на референдуме голосовал против Союза, все, все были за сохранение. Потом наступила эйфория: «Сами будем планировать, считать!» Это быстро прошло. Держались еще на зарубежных поставках. Китайцы слали нам банками тушенку, куртки, пуховики, кроссовки, сапоги – вот этим и давали зарплату. Натурой! Это – девяносто первый, девяносто третий годы. Потом еще хуже стало. Госзаказа не стало. Потом служба маркетинга заново восстанавливала все старые связи. Раньше наша продукция шла в сорок четыре страны мира.

И. А вы когда вышли на пенсию?

С. Пенсия у меня с девяносто восьмого года, так я пять лет еще была консультантом, до две тысячи третьего. Безденежье началось страшное, нет заказов. У нас коллектив был устоявшийся, мы не шаркались. И прошло сокращение – всех повыгоняли и все. Это была катастрофа. Были и те, кто не достиг пенсионного возраста, они сильно переживали. Жить-то на что? Я рыдала: тридцать лет вместе проработали и я должна ее выгнать. Никого не осталось.

И. И как же люди пристраивались?

С. Челночили. У нее высшее образование – идет техничкой. Весь район коснулось, более десяти тысяч сократили. Училище у нас продолжало функционировать, кадры все равно готовили, так и выжили. Людей сокращали, площади простаивали, уже не могли их содержать, все продавали в аренду. Санаторий, детские лагеря. Базу отдыха – все продали.

И. А в советское время, какие были профилактории, лагеря, уровень жизни вообще?

С. Ну, свой профилакторий был, садовские все лето проводили на берегу Обского моря, в лагере – лагерь имени Кирова, детские дачи были. Там и присмотр, и врач и бесплатное лечение. Своя была поликлиника. В санаторий ездили бесплатно, начальник заставлял! Начальника наказывали, если сотрудники не ездят на лечение. В санатории – грязи, соляная пещера, массаж. Люди, конечно, были избалованы Советской властью. Все тебе – физио, хирург, все было отлично. Женщин

обязательно гоняли к гинекологу, директор завода контролировал женское здоровье лично. Своевременно делали все операции, грудь там и прочее. Короче, «как хорошо мы плохо жили!». Ну, и молодость, конечно, молодость... А сейчас другие отношения, я в другой стране живу, отношения были другие. До сих пор мне зам. местной администрации – Вовка Терехин... Праздники были, я все программы на праздниках вела. При Конискине развалился весь завод. Он – старый работник, токарем был, потом стал директором. Зарплату платить перестали. Было 7000 человек, стало 700. Только к 2003 году стали выправляться. Нас хотели захватить рейдеры, москвичи, но мы отстояли завод, где-то с 2003 года у нас новый директор Гиберт, сейчас уже 1700 человек, он уже многие традиции возродил, производство поднял.

И. Ну, а в лучшие годы какие были трудности на работе?

С. В субботу работали, в воскресенье, рабочий день пересаживали. Но это все – не трудности! Узкое место было – сварочный цех, так комсомолцы ходили по выходным. Но это даже нравилось, был толк. Потом я терпеть не могла тактику хозяина Конискина. До того мы работали на государство, во имя страны, у меня была идея, я понимала, что коммунизм – это утопия, но социализм мог бы быть, если бы не пришел Хрущев! А был бы Косыгин. Хрущев – абсолютно неграмотный колхозник, разрушил все сельское хозяйство. Надо было всю сферу обслуживания передать частникам. Вот мы жили в Прибалтике, там парикмахерские, кафе, все было частное. И у нас нужно было делать также, качество сервиса было бы выше, и государство не расплылось бы на мелочи.

И. А бытовые проблемы были?

С. Я когда приехала, Новосибирск был очень грязный. Центр мне, конечно понравился, Оперный, ТЮЗ, Дом Ленина, музеи. Но благоустройства, считай, никакого не было. На работу мы ездили на деревянном трамвае. Общежитие на Вертковской-18, ехать далеко. Давка – не пролезть на этот трамвай. Люди ехали даже на крыше, на подножке висели гроздьями. Заводов в этой стороне было много, я не могла уехать, весь первый месяц опаздывала, потом только приспособилась. Табельщица все опоздания фиксировала, я каждый день плакала. Все в городе было заплевано, никах урн, окурки, помойки – меня от всего этого тошнило. Народ-то был неплохой, но никакой культуры, грязь одна. А вот на территории завода уже было все по-другому. Тогда еще сажали розы, завод – это был зеленый уголок, у нас озеленение завода входило даже в выполнение плана.

Ну, еще про общежитие. Оно у нас было хорошее. Там была библиотека, комната отдыха, хорошая кухня, душ на несколько кабин, жили мы по три человека в комнате.

И. А свою квартиру вы когда получили?

С. Свое жилье – через семь лет. После свадьбы мы жили на квартире, комнату снимали в частном доме на Расточке, это я уже три года отработала на заводе, потом муж получил служебное жилье, комнату сначала, потом квартиру.

И. А завод для своих работников строил жилье?

С. Завод, конечно, строил. На расточке была своя стройка, хозспособом. На [улице] Мира – там у нас были коммуналки на три-четыре хозяина. Еще – на Римского-Корсакова, возле телестудии. Ну, жили-то мы все рядом, с коллективом тесно общались, все рядом было. Тут – вообще пустырь, болото было, лягушки квакали. Тулка была широкая такая, многоводная речка. И за заводом Ефремова тоже был пустырь. Идешь – ничего, это мне такой дикостью после Ленинграда казалось. Мне первое время назад хотелось, я проревелась в первый же день, ну, думаю, уеду, уеду. Но, замуж вышла, осталась. А ведь до сих пор помню литовский язык.

И. Ну, а трудовую дисциплину в советское время часто нарушали?

С. Прогулы, пьянка... Товарищеские суды постоянно разбирали нарушения и еще был «Комсомольский прожектор». Пьяниц в газете позорили, премии лишали, отодвигали в очереди на квартиру.

И. А вредность на производстве была? Может, и несчастные случаи были?

С. Несчастные случаи были на штамповке, там отрезало руки. Но, комиссия из Москвы приезжала, разбирались. Вообще за техникой безопасности следили очень жестко. У нас была и экологическая лаборатория, ее всю сократили, остался один инженер, какая тут экология... А столовая у нас какая был! Москвичи обалдевали. Делали голубцы вкуснейшие, блины, всегда три супа, салаты, тушеные овощи, сельдь, было диетическое питание... И мы ведь еще жаловались на поваров, критиковали, мол готовят одно и то же. А кондитерская какая была! Торты пекли гигантские. К празднику – заливное из мяса, рыбы. Обед – на пять рублей полный набор, а вообще 60 копеек – это комплексный обед.

И. А зарплата у вас какая была?

С. Начинала со 135 рублей – это много было, потом получала 250, потом какие-то миллионы были, короче, всегда была приличная зарплата.

Интервью с Макаровой Ниной Алексеевной, 1947 г. рождения

Записано 22 апреля 2011 г. в Новосибирске

И. Представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут, когда и где родились?

С. Меня зовут **Макарова Нина Алексеевна**.

И. Родились...

С. Родилась в сорок седьмом году в Новосибирской области.

И. Расскажите, пожалуйста о себе, как вы пришли на этот завод, как работали, как в это время жили.

С. Ну, я в шестнадцать лет приехала в Новосибирск, в шестьдесят третьем году, учиться надо было. А сестра у меня здесь уже работала, мне шестнадцать лет, ей – двадцать, двоюродная моя сестра. Она и говорит, мол, поехали. И привела меня сестра к Галине Ивановне Звонковой – это была наша директор отдела кадров. Меня определили, значит, в цех № 34, отвечать за озеленение. О, у нас такая оранжерея была, цветы на территории завода. Там в цехе – агроном Соколова Клавдия Ивановна. Цех в таком полуподвале был, полуподвальное помещение. А, осень была уже. Мы пололи клумбы за заводом. А так, вообще, и рассаживали цветы, и пикировали, и клумбы делали. Завод весь в цветах был! Весь завод был кругом в цветах. И очень было чисто. Ну, а у моей подруги мать была кладовщиком в инструментальном цехе, я к ней туда перешла, семнадцать-восемнадцать [мне] лет было – выдавала инструмент, цех у нас был механосборочный, одиннадцатый, 600 человек у нас было, потом пошла на станок шлифовочный. Ну, я боялась сначала, мне сестра говорит: «Ну, попробуй, хотя бы, не понравится – уйдешь». Я попробовала, да так и осталась, работа эта вообще мужская, но я справлялась. Здоровья хватило, я на деревенском молочке на всем домашнем росла, не то, что сейчас – всякая химия... Иван Федорович у меня был первый учитель, три месяца меня учил, я получила третий разряд. Потом – в техникум на вечернее отделение на машиностроительный, училась, потом получила пятый разряд. Сейчас уже два года, как на пенсии. И на пенсии работала, но все, ноги уже болят, постой-ка целый день.

И. А что делает шлифовщик? В чем состояла ваша работа?

С. Ну, как, шлифует. Шлифовка, шлифовка деталей к электрическим машинам.

И. А вредность в этой работе есть?

С. Я на мокрой шлифовке работала – там вредности нет. Ну, на ногах, конечно, весь день, но вредности нет, нет.

И. А нравилась вам такая работа, мужская?

С. Нравилась, я на работу шла с удовольствием. Хороший у нас коллектив был, душевно. Очень хорошо прожили. Зарабатывали хорошо, все было, всегда при деньгах, хорошо жили. Зарплата у нас была по 300, по 400 рублей, на пенсию уходила с двадцати пяти тысяч. Дочка у меня всегда была хорошо одета. Ей сейчас сорок пять лет, я ей говорю: «А, ведь, ты у меня всегда хорошо была одета».

И. А жили вы где? Вам общежитие дали?

С. Да, на Вертковской -18, наше общежитие. Сначала мы с девочками там жили. На четверых одна комната. Потом, когда уже замуж вышли, жили по две семьи в одной комнате, договаривались, хорошо было, вообще весело.

И. А муж ваш тоже был с завода?

С. Ну, да, да, сварщик, тоже в общежитии жил. Ну, у них четверо парней в одной комнате на первом этаже, у нас на втором – четверо девочек, иногда, ведь из этих встреч что-то получается. Ну, потом так получилось..., короче, через двенадцать лет мы развелись, у меня была квартирka однокомнатная в новом доме на девятом этаже. Хорошая была квартирka, мы там с дочерью жили вдвоем. Потом я опять вышла замуж, мы получили уже двухкомнатную, я еще себе одну дочку, вот так, в тридцать шесть лет родила. Восемнадцать лет разница. Младшей сейчас двадцать семь, старшей – сорок пять. Я пришла к начальнику цеха, говорю, мол у меня муж, дочка уже большая, все в одной комнате... Мне дали квартиру. Дочку в полтора года отправила в садик, вышла на работу.

И. Заводской был садик?

С. Конечно, конечно. Садик давали всем. Надо было тогда, чтобы люди работали. Сейчас в три года дети в садик идут, а они не привыкли, плачут, маму надо. А я ее привела в полтора года, она не понимает еще, пошла, пошла... И быстро привыкала. Сейчас, если ребенок заболел, в садик не пускают. А тогда, приведу ее с соплями, мне говорят:

«Не волнуйтесь, работайте, работайте, сопельки полечим». Надо было, чтобы мы работали.

И. А в девяностые годы, как? Сильно изменилась обстановка?

С. Ну, у меня-то место сохранилось, на рабочих вообще все это особенно не сказалось, зарплату старались в первую очередь платить рабочим. Ну, было, конечно, что мешками раздавали сахар, муку, тушенку, но по- маленьку решали вопросы.

И. А культурная жизнь как была поставлена на заводе?

С. Художественной самодеятельностью я занималась просто всю сознательную жизнь, ансамбль «Играй, гармонь», я была солисткой хора.

И. А какой у вас был репертуар? Что пели?

С. Лирические пели, к девятому мая – военные, осенний бал был у нас, новогодний, песни Зыкиной пели, народные.

И. А где выступали?

С. На заводе в столовой выступали, помещение там большое. Каждый сезон был вечер, всегда красиво все оформлено, всегда много молодежи.

И. А танцоры были?

С. Танцы – да. У нас было соревнование между цехами, грамотные художественные руководители. Вокал был, стихи. Редакция своя была, редколлегия, газета «Генератор» и сейчас есть. Капустники всегда были. Ну, дискотеки – это уже современность. И спорт был: волейбол, хоккей, футбол, соревновались по профессиям. Детский сад был, школы подшефные – это мы все потеряли. Столовая! Булочки какие стряпали – я вон, видите, какая на этих булочках стала, а ведь сорок второй размер носила. В 90-е все это, конечно, притихло, но мы-то в своем рабочем коллективе спокойно жили. Мы прожили свою юность, молодость на заводе хорошо. Люди тут все знакомые. Родные. Я потом привела на завод брата, двоюродного брата, он стал рационализатором, потом в девяностые годы ушел, квартиру за семь лет получил, сейчас уже спился...

И. А, что сильно рабочие пили?

С. Пили, еще и как пили. И мы пили прямо в цехе на работе. Главное, что бы свою норму, план выполнил, а как – твое личное дело. А, что в цехе холод, ну, в девяностые, руки мерзнут, раствор застыва-

ет, работать невозможно, конечно, тут выпьешь, и пили... Падение, конечно было, пьянство.

И. Ну, а хорошее, награды, подарки там...

С. Мы, конечно иногда и по три смены работали, но, ничего справлялись. Вроде уже устали, а идем и еще делаем. Это была молодость, это молодость. Если кто болеет, деньги на лекарства, на больницу всегда председатель цехового комитета распределит, выделит. У многих были ордена ветерана труда, орден трудовой славы. Бесплатные путевки нам давали и в Чехословакию, и в Ленинград, профилактории, санатории. Мы и работали, и отдыхали. Был отдых, отдыхали. Путевка в Чехословакию – двадцать один день. Мы приехали. Плачем – домой хотим. И все бесплатно было – Карловы Вары – все бесплатно! Вот, наше поколение, мы все захватили, мы работали в удовольствие, я отработала сорок шесть лет, это – мой дом. Я и депутатом районного и Горсовета была, в восьмидесятые годы стояла в загсе семь лет, новобрачных поздравляла.

И. Спасибо за интересный рассказ.

Некрополистика

1. Что такое некрополь? Что изучает некрополистика?

Одним из направлений научно-исследовательской работы студентов по отечественной истории может также стать изучение сибирского некрополя. В переводе с греческого слово «некрополь» означает «город мертвых». Традиционно «некрополями» называют комплексы погребений (кладбища, захоронения в храмах, могильники и пр.). Но, в настоящее время научное определение некрополя может включать: 1) совокупность захоронений в пределах одного кладбища, или в масштабах города, области, государства; 2) сочетание захоронений и мемориальных памятников, рассматриваемых как произведения изобразительного искусства и литературы и как исторический источник; 3) сочетание захоронений (включая и места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ, включая списки захоронений и литературу, посвященную данному вопросу⁵. Можно сказать и так: «некрополистикой» принято называть направление исторических исследований, посвященных установлению, систематизации и интерпретации сведений о местах погребений, принадлежащих определенному локусу, о надгробиях и памятниках, а также о людях, чьи останки были захоронены в этих местах.

Русская некрополистика уходит корнями в XVIII в. Рубеж XIX и XX вв. стал периодом расцвета отечественной некрополистики. В советское время некрополи составляли гораздо реже. По большей части это были справочные работы, включавшие в себя сведения о захоронениях героев Октябрьской революции, Гражданской и Великой отечественной войн. В настоящее время некрополистика переживает возрождение. Многие города современной России и, Сибири в том числе, уже имеют свои некрополи. Значение составления некрополей велико. Во-первых, некрополь – это ценнейший источниковый материал для изучения биографий, генеалогии, истории населенных мест и истории семьи. Во-вторых, составление и изучение некрополя помогает исследо-

⁵ Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти. – М., 2003. – С.141.

вателям в познании духовной жизни общества: степени его религиозности, отношения к памяти как о знаменитых людях, так и о людях, проживших «обычную» жизнь, восприятия традиций и попыток их изменить. Еще в 1918 г., краевед С. С. Чех, исследуя захоронения на старом кладбище Симферополя, обратил внимание на то, что характер оформления могильных плит отражает художественные вкусы и ценностные приоритеты общества разных десятилетий. По его наблюдениям могильные эпитафии сообщают не только формальные данные об имени, чине и возрасте усопшего, но и об отношении социума как к конкретной персоне, так и к личности вообще⁶. Кроме того, многие надгробия интересны в эстетическом отношении. Среди старых могильных плит можно встретить настоящие произведения искусства, достойные общественного внимания. В частности это подтверждают полевые записи знаменитого томского художника и краеведа А.Л. Шиловского, который в 1919 г. обследовал старое, ныне уже утраченное, кладбище города Колывани. Он зафиксировал наличие старинных деревянных резных крестов, крашенных в зеленый, голубой и алый цвета, тяжелых могильных плит первой половины XIX в., тщательно обработанных камнетесами, украшенных «изысканно строгими» надписями и изображениями.

2. Как составлять некрополь?

На сегодняшний день не существует стандартного подхода к составлению некрополей. Некрополь может быть представлен в виде справочника, где приводятся данные о лицах, погребенных на территории определенного кладбища или группы кладбищ. Такие некрополи создавались еще в XIX в. Исследователи бродили по старым погостам и вручную переписывали надгробные записи с могильных плит, после чего систематизировали собранный материал, komponуя его чаще всего в алфавитном или хронологическом порядке. Обычно в некрополь попадали имена погребенных, данные об их возрасте, эпитафии и прочая информация, представленная на надгробном памятнике (сведения о месте рождения, сословной принадлежности, профессии, различных заслугах). Эта информация обычно дополнялась историческим сведениями о самом кладбище: времени его соз-

⁶ Чех С. С. Опыт исследования Старого Симферопольского кладбища // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1918. – № 55. – С. 321–329.

дания, специфике зонирования, благоустройства и т.п. Современные исследователи и сегодня могут воспользоваться такой методикой составления некрополя.

Однако в наше время старинные кладбища сохранились лишь в некоторых российских городах. Поэтому современные историки чаще работают с письменными источниками. О том, кто, когда и где был погребен, можно узнать из *метрических книг* – исторических источников статистического характера. Вплоть до середины марта 1920 г. священники православных и иных церквей, существовавших в нашей стране, были обязаны фиксировать все данные о рождениях, бракосочетаниях и смерти прихожан. Эти данные вносились в метрические книги, где обязательно записывалось полное имя усопшего, его социальный и семейный статус, дата смерти и погребения, а также место захоронения. Метрические книги часто используются для реконструкции биографий, истории семей и родов, на основе метрических книг могут быть воссозданы и некрополи. Обязанность фиксировать данные о смерти прихожан церковь передала районным ЗАГСам, которые начали вести аналогичную документацию. Книги записи актов гражданских состояний, как и метрические книги, хранятся в областных, районных и городских архивах. Иногда дубликаты метрических книг можно найти в архивах отдельных церквей.

Однако далеко не все метрические книги сохранились, кроме того, информация, хранящаяся в них, может быть неполной. Поэтому еще одним источником изучения некрополя может послужить периодическая печать. Как в дореволюционных, так и в советских местных газетах часто публиковались объявления о смерти городских и сельских жителей. Иногда объявления имели частный характер, в случае же кончины местной знаменитости, они были адресованы широкому кругу читателей газеты. Объявления о похоронах содержали сведения о дате и причине смерти, о дате и времени похорон, об обрядовой специфике предстоявшего погребения. Нередко в газетах размещались некрологи и публиковались соболезнования семьям усопших. Все эти сведения могут существенно дополнить и содержательно обогатить некрополь.

Использование разнообразных исторических источников дает исследователю возможность не ограничиваться составлением справочника, а реконструировать в рамках некрополя биографии, давать интерпретацию событиям, связанным с кончиной как отдельных персоналий, так и целых поколений. Современный некрополь может представлять собой

повествовательный текст, содержащий не только фактический материал, но и его интерпретацию.

3. Особенности некрополя Новосибирска

Некрополь Новосибирска изучен лишь частично. На территории нашего города располагалось несколько кладбищ, следы существования которых на сегодняшний день практически исчезли. Самым первым кладбищем Новониколаевска-Новосибирска стал Воскресенский погост (Старое городское кладбище), на территории которого сегодня располагается Центральный парк культуры и отдыха, а также стадион «Спартак». Воскресенский погост был основан в 1896 г. В 1907 г., согласно православной традиции, здесь построили и освятили кладбищенскую церковь. К 1910 г. представители всех конфессиональных групп Новониколаевска получили свой участок на кладбище, могли осуществлять погребение усопших в соответствии со своими религиозными традициями. В 1908 г. был отведен участок и для Магометанского кладбища неподалеку от Татарской слободы (место современной ул. Татарской и Татарского спуска). К середине первого десятилетия XX в. в прессе и на уровне городского самоуправления стал обсуждаться вопрос о закрытии Старого кладбища. К этому времени по причине быстрого территориального роста города кладбище оказалось практически в центре. Многие считали эту ситуацию неблагоприятной с санитарной и эстетической точки зрения. Полиция указывала на то, что кладбище является местом схода преступников. После продолжительных дебатов кладбище частично закрыли, сохранив небольшой погост возле Воскресенской церкви для избранных. В 1911 г. открылись два новых кладбища, находившиеся за пределами городской черты. Одно получило название «Новое городское» (сейчас на его месте расположен парк Березовая роща), а другое – «Закаменское». Территория кладбищ была поделена на кварталы в соответствии с этноконфессиональным признаком.

На Старом городском кладбище были похоронены уроженцы практически всех губерний Российской Империи. Большинство могил были крестьянскими и мещанскими, однако имелись здесь и захоронения дворян (Вержбицких, Чуфаровских, Абариновых, Байковых, Соколовских и др.), почетных граждан (Добронравовых, Лукьяновых, Жернаковых и др.), купцов (Суриковых, Смирновых, Машинских), представителей духовенства (заштатный псаломщик

Павел Смолин, священник Александро-Невского собора Вениамин Флоринский). В годы Первой мировой войны на кладбищах города появлялось множество могил военных и беженцев особенно из Холмской и Гродненской губерний. В период Гражданской войны земле погостов Новониколаевска предавались многочисленные жертвы боевых действий, тифозной эпидемии и голода. Уже в середине 1920-х гг. Старое городское кладбище было снесено и преобразовано в городской сад. Вместе с кладбищем мы утратили память и об основателях нашего города, его первожителях, местных знаменитостях. Новое городское кладбище и Закаменское кладбище просуществовали дольше, однако и они были уничтожены в 1960-х гг. Останки некоторых новосибирцев и надгробия с их могил были перенесены на новые кладбища, однако, к настоящему времени исследователями выявлены лишь единицы подобных памятников. Наиболее ценными из обнаруженных краеведами надгробий первой трети XX в. являются памятники членам семьи Сабуровых, А.В. Жернаковой и митрополиту Новосибирскому Никифору, установленные на Заельцовском кладбище. Дальнейший поиск старинных надгробий может стать задачей отдельного краеведческого исследования.

Помимо городских кладбищ на территории современного Новосибирска существовали кладбища деревень, последовательно вошедших в городскую черту. Это – кладбища таких сел и деревень, как Усть-Иня, Большое и Малое Кривошеково, Бутры, Верткова, Перова, Ерестная, Мочищенка, Левые Чемы и Правые Чемы. Некрополи этих населенных пунктов еще практически не изучены. Совершенно не тронута краеведами и историками тема сельского некрополя Новосибирской области.

Между тем, на сегодняшний день существует богатый опыт участия студентов в разработке сибирского некрополя. Уже около двадцати лет студенты Томского государственного университета под научным руководством профессоров Н.М. Дмитриенко и В.П. Зиновьева выявляют данные о людях, некогда погребенных на старинных томских кладбищах. Изначально они участвовали в выявлении траурных объявлений в местных газетах. В последние годы студенты приступили к систематизации сведений о погребениях 1950 – 1960-х гг. на существующем и сегодня Южном кладбище г. Томска. При этом использовалась методика, разработанная еще некрополистами XIX в. Однако, современные цифровые технические средства, безусловно, облегчают полевые исследования подобного рода. Помимо публикации справоч-

ного издания, авторы этого исследования создали коллекцию фотоизображений надгробных памятников.

Опыт томичей показывает результативность участия студентов в изучении некрополя. Тематика научно-исследовательского поиска студентов в области некрополистики может быть разнообразной. Студенты могут заниматься как поиском данных для составления некрополя, так и обработкой полученных материалов: их систематизацией и интерпретацией. Ниже приведены возможные темы для студенческих исследований по некрополитике.

4. Примерная тематика исследований студентов по некрополистике

1. Дворянский некрополь города Новониколаевска.
2. Захоронения почетных граждан на старых кладбищах Новосибирска.
3. Купеческий некрополь Колывани (Каинска, Бердска).
4. Польский некрополь села Спасского (Венгерова) Новосибирской области.
5. Дореволюционный некрополь Сузуна (любого другого села на выбор).
6. Украинские захоронения на Воскресенском погосте Новониколаевска.
7. Некрополь врачей дореволюционного Новониколаевска.
8. Некрополь иностранцев дореволюционного Новониколаевска.
9. Воинский некрополь Новониколаевска периода Первой мировой войны.
10. Новониколаевский некрополь военнопленных периода Первой мировой войны.
11. Новониколаевский некрополь белорусских беженцев периода Первой мировой войны.
12. Мусульманский некрополь Новониколаевска–Новосибирска 1920-х гг.
13. Некрополь гражданского населения Новосибирска периода Великой Отечественной войны (по данным траурных объявлений в газете «Советская Сибирь»).
14. Некрополь гражданского населения Новосибирска периода Великой Отечественной войны (по данным полевых исследований Заельцовского кладбища).

15. Старейшие кварталы кладбища на Гусинке (некрополистическое описание).

16. Некрополь села Малое Кривошеково (по данным метрических источников).

17. Некрополь деревни Алабуга (по данным полевых исследований).

18. История семьи первопоселенцев Новосибирска в отражении некрополя (по метрическим источникам).

19. Надгробные памятники военных лет (по материалам полевых исследований Заельцовского кладбища).

20. Надгробные памятники 1960-х гг. о вере, идеологии и людских судьбах (по материалам полевых исследований сельского кладбища).

21. Несчастные случаи в отражении метрических источников Новосибирска.

22. Имена новосибирцев, незаслуженно забытые (по данным периодики 1930-х гг.).

На протяжении нескольких лет автор данных методических разработок занимается изучением некрополя городов Западной Сибири. В качестве возможного образца студенческого исследования по некроплистике ниже приводится фрагмент данных исследований.

Польский некрополь Новониколаевска

Введение

Актуальность темы. Проблема вандализма и разрушения старинных городских и сельских кладбищ тесно сопряжена с вопросами сохранения локальной и национальной идентичности, коллективной памяти и унижения чувств верующих, остро стоит в современной России, где сохранилось лишь незначительное количество дореволюционных погостов. Практически не осталось и польских кладбищ XIX–первой трети XX в. Это обстоятельство служит для ряда исследователей нравственным императивом к поиску данных о поляках, чьи останки были некогда захоронены в России, и в частности, в Сибири. В этическом отношении подобные исследования призваны частично снять вину государства и общества за разрушение мест памяти, некогда актуальных для различных социальных

групп. Стоит отметить, что работа над изучением подобной тематики способствует развитию политической и культурной толерантности.

Однако очевидна и научна актуальность изучения истории старинных сибирских кладбищ, в том числе и польских. Выявление политических, а также социокультурных причин и последствий разрушения старинных кладбищ перспективно с точки зрения осмысления еще слабо изученной «политики памяти» (способов и процесса идеологизации прошлого) советского государства, советской идеологии и политических технологий советской власти. Кладбище является одновременно одним из узловых объектов городской среды и, говоря условно, ландшафта коллективной памяти. Особенности взаимодействия жителей городов с такими объектами характеризуют городскую повседневность, изучение которой лишь начинается российскими историками.

С точки зрения источниковедения и генеалогии история польских кладбищ в Сибири также очень значима. Некрополистические исследования, как правило, позволяют выявить значительное количество забытых имен и важные с точки зрения генеалогии биографические сведения, которые полезны не только для профессиональных историков. В Сибири и в Новосибирске в частности и сейчас проживает немало потомков выходцев из Польши, живо интересующихся своим родословием и, ищущих родных в Польше. Кроме того, подобные сведения могут быть положены в основу разнообразных по тематике будущих научных исследований российских ученых в области полоники, а также польских историков, изучающих прошлое России, и, в частности вопросы, связанные с «русскими» поляками.

Цель данного исследования – составить по опоре на метрические источники польский некрополь Новониколаевска–Новосибирска.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских *задач*.

1. Выявить, опираясь на метрические источники, сведения о поляках, чьи останки были преданы земле на старинных кладбищ Новониколаевска–Новосибирска.

2. Систематизировать полученные данные и оформить их в виде справочного текста.

3. Объяснить степень сохранности польского некрополя в Новосибирске.

Степень изученности темы. На сегодняшний день историками, занимающимися некрополистикой, уже достигнуты некоторые успехи

в изучении польского некрополя в Сибири. Стоит пояснить, что присутствие поляков в Сибири фиксируют источники, относящиеся еще к XVII в. В этот период в Сибирь попадали, главным образом, ссыльные польские солдаты и офицеры, участвовавшие в войнах России и Польши. В XIX в. в Сибирь приезжали три категории поляков: «политические преступники», добровольные переселенцы (крестьяне, чиновники, военные, врачи) и уголовные ссыльные, а к концу XIX в. заметным явлением в сибирской жизни стала экономическая эмиграция поляков. Во многих сибирских городах были созданы польские землячества (Тобольск, Тара, Омск и др). В годы Первой мировой войны в Сибири появились и многочисленные поляки-беженцы, и эвакуированные из районов, охваченных боевыми действиями и приближенных к фронтам. Польские военные формирования 1918–1919 гг., находившиеся в Сибири, оставили осязаемый след в истории гражданской войны и борьбы Польши за суверенитет.

История сибирских поляков традиционно изучается этнографами, специалистами, занимающимися проблемами политической ссылки, развития предпринимательства в Сибири, сибирских городов, распространения католицизма и т. д. Историки выявили многие персоналии поляков-сибиряков, охарактеризовав взаимосвязи их судеб с историей сибирского региона. Уже сегодня можно кратко подвести и основные итоги разработки историками польского некрополя в Сибири, а также определить дальнейшие перспективы изучения этой проблематики.

На рубеже XIX–XX вв., когда в России некрополистика переживала расцвет, в Сибири в подобные исследования включились жители Иркутска и Томска, однако, томский некрополь тогда так и не был опубликован. Не разрабатывалась в этих некрополях и польская тематика. В советский период подобные исследования не проводились вовсе, но уже в последние два десятилетия были опубликованы некоторые сибирские некрополи, содержащие сведения о сибирских поляках. Современная российская некрополистика представляет собой направление исторических исследований, посвященных установлению, систематизации и интерпретации сведений о местах погребения, принадлежащих определенному локусу, о надгробиях и памятниках людям, погребенных в этих местах. Выдающихся успехов в деле составления некрополей достигли томские историки. В Томске, где помимо общегородского некрополя «Томский некро-

поль. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.)», составленного на основе газетных источников и содержащего данные о томских поляках, был издан и «Томский католический некрополь (1841–1919)», в который вошли сведения преимущественно о томских поляках. В этой книге приводятся краткие сведения о католических кладбищах Томска и перечень лиц (4860 чел.), захороненных на этих погостах. Один из авторов «Томского католического некрополя», директор музея политических репрессий В.А. Ханевич также выявил и опубликовал данные о поляках сибирского села Белосток – жертвах сталинских репрессий, указав на обстоятельства их кончины и места погребения. Вклад в разработку польского некрополя в Сибири внесен также обществом «Мемориал» и его региональными отделениями. К примеру, обществом «Мемориал» составлен перечень католических священников – жертв репрессий, среди которых есть и те, кто служил в костелах Сибири.

Источники исследования. К сожалению, сведения о местах погребения новосибирских поляков в Новосибирске очень фрагментарны: метрические книги католического костела о смерти не сохранились. Однако нами обнаружены некоторые данные о католиках, отпетых в православных церквях. Используя книги записей актов гражданского состояния, нам удалось выявить данные о новосибирских поляках, относящиеся к 1920-м гг. Некоторые краткие сведения о поляках, погибших в Новониколаевске в период Гражданской войны, содержат неопубликованные воспоминания большевиков, хранящиеся в ГАНУ. В опоре на документы фонда Городского коммунального хозяйства Государственного Архива Новосибирской области, а также на картографические и справочные источники нами выявлены основные данные и о польских кладбищах в Новосибирске: времени их возникновения, благоустройстве, функциях и разрушении, определены причины уничтожения польских кладбищ и охарактеризованы последствия этих событий.

Хронологические и территориальные рамки следования. Хронологические рамки нашего исследования включают в себя период от основания Новониколаевска (1893 г.) до 1930-х гг. Выбор этого временного отрезка определяется доступом к источникам. В соответствии с законодательством Российской Федерации, в настоящее время нам доступны лишь метрические книги новониколаевских церквей и книги

ЗАГСов 1920-х гг. Территориальные рамки данного исследования соответствуют границам города Новониколаевска–Новосибирска в указанный период.

Методология и методы исследования. Методологическую основу данного исследования составляют работы социолога М. Хальбвакса и историка П. Нора. Кладбища рассматриваются нами как места памяти, символически выражающие, хранящие и транслирующие коллективную (групповую) память о наиболее значимых для той или иной группы событиях и персонах. Еще один методологический ориентир данного исследования – это некрополистика, являющаяся традиционным направлением в изучении кладбищ. Традиционный метод некрополистики – это механический перенос сведений об умерших с могильных плит на бумажные носители. Однако в современных условиях, когда старые кладбища в Сибири практически не существуют, исследователям приходится восстанавливать сведения об умерших по метрическим материалам и материалам периодической печати. Общенаучные методы данного исследования – это анализ, синтез, описание и объяснение.

§ 1. Сведения о поляках, погребенных на старых кладбищах Новониколаевска–Новосибирска

1905 г.

1. *Соколовская* Вера Станиславовна, дочь варшавского дворянина.
† 06.08.1905 г. (по старому стилю), 2 года, умерла «от скарлатины», погребена на Старом городском (Воскресенском) кладбище.
Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2719, л. 250.

1906 г.

2. *Белькевич* Иосиф Иохимович, дворянин,
† точная дата неизвестна, 35 лет, «застрелен из револьвера», погребен на Старом городском (Воскресенском) кладбище.
Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2720, л. 232 об.
3. *Соколовская* Лариса Игнатьевна, дочь минского дворянина,
† 26.07.1905 г. (по старому стилю), 11 месяцев, умерла «от поноса», погребена на Старом городском (Воскресенском) кладбище.
Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2720, л. 301 об.

1915 г.

4. *Шидловский* Феодор Каземирович, служащий Новониколаевской городской заразной больницы № 2, из крестьян Минской губернии.

† 20.06.1917 г., 14 лет, умер «от перитонита», погребен на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2733, л. 234 об.

1916 г.

5. *Раклевич* Клавдия Ильинична, дочь беженцев из Гродненской губернии.

† 20.01.1916 г., 4 года, умерла «от простуды», погребена на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2763, л. 91 об.

1917 г.

6. *Груздинский* Богдан Каземирович, воспитанник реального училища,

† 07.03.1917 г., умер «от сыпного тифа», погребен на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2770, л. 149.

7. *Зройковский* Константин Ильич, беженец из Гродненской губернии.

† 20.06.1917 г., 14 лет, умер «от перитонита», погребен на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2733, л. 234 об.

8. *Лешевич* Валентин Клементьевич, сын потомственного дворянина.

† 01.10.1917 г., 2 месяца, умер «от дифтерита», погребен на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Д-156, оп. 1, д. 2733, л. 253 об.

1919 г.

9. *Бешинский* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.

† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

10. *Давидович* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.
† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

11. *Драйцеко* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.
† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

12. *Жарич Ян* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.
† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

13. *Кучинский* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.
† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

14. *Празмовский* – большевик, расстрелянный белогвардейцами.
† в срок 01.06.1919 – 15.06.1919 г., место погребения не установлено.

Источник: ГАНО, Ф.П-5, оп.3, д. 124, л. 69.

1920 г.

15. *Адржевская Муза*, место приписки – г. Рига, домашняя хозяйка.

† 01.04.1920 г., 47 лет, умерла «от тифа» в Новониколаевском городском эпидемическом лазарете №1, погребена в Новониколаевске (точное место не установлено).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 92, л. 102.

16. *Бжежинский Павел*, место приписки – г. Варшава, лесовод.
† 26.03.1920 г., 62 года, умер «от тифа», погребен в Новониколаевске (точное место не установлено).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 92, л. 60.

17. *Бокалевский Альфонс*, фельдшер.
† 05.12.1920 г., умер «от слабости», погребен на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 89, л. 53.

18. *Завистовский Бронислав*, место приписки – г. Кобрин Гродненской губернии, служащий Томской железной дороги.

† 13.09.1920 г., 65 лет, умер «от рака печени и желудка», погребен на Римско-католическом городском (участок Нового городского кладбища).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 76, л. 193.

19. *Згурский* Юлиан, место приписки – г. Моцыри Минской губернии, шофер.

† 10.07.1920 г., 28 лет, умер от «воспаления легких», погребен на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 92, л. 180.

20. *Мацукевич* Илья Ильич, младенец.

† 17.07.1920 г., один день от рождения, умер «от слабости», погребен на новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 76, л. 58.

21. *Паславская* Елизавета, место приписки – г. Москва, конторщица.

† 02.09.1920 г., 39 лет, умерла «от паралича сердца», погребена на Новом городском кладбище.

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 76, л. 118.

22. *Пославский* Александр, служащий, место приписки – Челябинская губерния.

† 23.04.1920 г., 49 лет, умер «от сыпного тифа» в городском эпидемическом лазарете, погребен в Новониколаевске (точное место не установлено).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 92, л. 198.

23. *Филиппович* Владислав, место приписки – г. Варшава, управляющий аптекой.

† 23.03.1920 г., 35 лет, умер в полевом подвижном госпитале №1107 «от возвратного тифа», погребен в Новониколаевске (точное место не установлено).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 92, л. 26.

1921 г.

24. *Тум* Елена, домашняя хозяйка.

† 03.04.1920 г., 25 лет, умерла «от туберкулеза легких», погребена на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).

Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 379, л. 187.

1922 г.

25. *Исенкевич* Иосиф, чернорабочий, уроженец Гродненской губернии.
† 24.04.1922 г., 26 лет, погиб от сквозного ранения, погребен на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 520, л. 258.
26. *Исенкевич* Антон, ученик, уроженец Гродненской губернии.
† 10.06.1922 г., 10 лет, умер от воспаления легких, погребен на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 520, л. 301.
27. *Климцевич* Владислав, место приписки – Люблинская губерния.
† 01.03.1922 г., 27 лет, умер от туберкулеза легких в больнице при концлагере, погребен на Новом городском кладбище.
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 531, л. 81.
28. *Ходосевич* Июльян Казимирович, инвалид войны,
† 13.03.1922 г., 36 лет, погребен на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 520, л. 205.

1923 г.

29. *Войткевич* Франц Францевич, место приписки – Ковенская губерния, инвалид.
† 29.05.1923 г., 47 лет, умер «от воспаления легких», погребен на Городском католическом кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 701, л. 128.
30. *Кржевицкая* Янина Казимировна, место приписки – Варшава, ребенок.
† 06.03.1923 г., 6 лет, умерла «от менингита», погребена на Городском католическом кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 700, л. 12.
31. *Лаврикович* Генрих Янович, место приписки – Виленская губерния, г. Свенцяны, младенец.
† 25.06.1923 г., умер «от поноса», погребен на Центральном Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 701, л. 265.
32. *Поличенко* Ядвига Адольфовна, ребенок.
† 04.06.1923 г., 1 год и 7 мес., умерла «от тифа», погребена на Польском кладбище (участок Нового городского кладбища).
Источник: ГАНО, Ф.Р-2189, оп. 1, д. 701, л. 149.

§ 2. Проблемы сохранности польского некрополя Новониколаевска – Новосибирска

В современном Новосибирске нет старинных польских кладбищ и отдельных могил. На современных, действующих кладбищах можно отыскать захоронения, относящиеся не ранее, чем к пятидесятым годам XX в. Однако и в более ранние периоды истории нашего города здесь жили и умирали этнические поляки.

В конце XIX в. в Сибирь приезжали три категории поляков: «политические преступники», добровольные переселенцы (крестьяне, чиновники, военные, врачи, предприниматели) и уголовные ссыльные. На демографической картине Новониколаевска–Новосибирска польский контингент занимал не последнее место. По данным 1909 г. в городе проживало 1965 поляков, что составляло 3,7% населения города⁷. Традиционно поляки исповедуют католицизм. В Новониколаевске существовал римско-католический костел, многими из прихожан которого являлись местные поляки. На дореволюционных кладбищах города (Воскресенском, Закаменском и Новом городском) обязательно выделялся квартал для захоронения католиков. Однако метрические книги новониколаевского костела, которые могли донести до нас сведения о погребенных в дореволюционном Новониколаевске поляках, сохранились лишь частично, сведений об умерших в них нет вовсе. Поэтому нам сегодня известны лишь единичные имена новониколаевских поляков, попавшие в метрические книги православных церквей. Так, нам стало известно имя католика по вероисповеданию, дворянина И.И. Белькевича. Этот человек был застрелен из револьвера, возможно, покончил с собой. Обстоятельства его смерти могли стать причиной отпевания в, церкви, которая не соответствовала вере Белькевича. Также в метрических книгах православного Александро-Неского собора нам удалось найти имена православных дворян Соколовских из Варшавской и Минской губерний. Возможно, эти люди не были «чистокровными» поляками, однако место их «выхода» позволило нам включить эти лица в польский некрополь.

В годы Первой мировой войны в Сибири появились и многочисленные поляки-беженцы, и эвакуированные из оккупированных районов, и из районов, охваченных боевыми действиями и приближенных

⁷ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – нач. XX вв. – Барнаул, 2007. – С. 240.

к фронтам. В Новониколаевск, который являлся крупным транспортным центром на востоке страны, приезжали многочисленные поляки из Варшавской, Люблинской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Минской губерний. Условия переезда и размещения беженцев для временного проживания были тяжелыми. Антисанитария становилась причиной распространения инфекций: холеры и тифа. Часть беженцев погибла от этих заболеваний в Новониколаевске. Те из них, кто был крещен в православную веру, отпевались в православной церкви. Соответственно, метрические документы православных церквей Новониколаевска отразили сведения о захоронениях некоторых поляков-беженцев.

Польские военные формирования 1918–1919 гг., находившиеся в Сибири, оставили ощутимый след в истории Гражданской войны и борьбы Польши за суверенитет. Большое количество поляков в годы Гражданской войны появилось и в Новониколаевске. Во-первых, к их числу относились так называемые «бело-поляки», воевавшие на стороне армии А.В. Колчака. По воспоминаниям большевиков-подпольщиков, записанным в 1920–1930-х гг., в городе функционировала польская контрразведка, которая вела жесткую репрессивную политику против большевиков. Сохранились и некоторые сведения о поляках, не принимавших сторону белогвардейцев. В 1928 г. жены рабочих железной дороги вспоминали: «Зимой 1918 г. стали съезжаться поляки со всей Сибири в Новониколаевск. Пленных («германской» войны. – *Е. К.*) собрали в военный городок. Там вышел толстопузый старший в эполетах и долго говорил на польском языке (полякам), что нам надо с оружием в руках перейти границу из России в Польшу. А пленные и беженцы поляки его слушать не хотели и воевать с большевиками России отказывались, сбросив с трибуны оратора... Тогда были вызваны колчаковцы – карательный отряд. Они держали этих поляков на морозе, пока у них ноги не отмерзли и все время их били». По воспоминаниям эти люди были похоронены в *братской могиле на берегу Оби, в бору за Ельцовкой*. Однако сегодня это место никак не отмечено, на этой братской могиле, точное место положения которой забыто, не существует никакого памятника.

После окончания Гражданской войны Новониколаевск оказался сильно разрушен. В городе свирепствовала тифозная эпидемия, унесшая жизни половины городского населения. Сведения о погибших в тифозном Новониколаевске поляках отражены в книгах городских ЗАГСов, которые велись с середины марта 1920 г. Возможности

изучать польский некрополь 1920-х гг. ограничены. В Государственном архиве Новосибирской области хранятся лишь документы, относящиеся к периоду до 1924 г. Более поздние источники исследователям не доступны.

Заключение

В результате изучения польского некрополя Новониколаевска нам удалось выявить немногим больше тридцати имен поляков, некогда живших и умерших в нашем городе. Среди них – люди разного возраста, пола и социального статуса. Мы выявили некоторые имена польских дворян, проживавших в Новониколаевске, беженцев периода Первой Мировой войны, жертв Гражданской войны и разрухи.

Однако, собранные нами сведения, открывают лишь незначительную часть польского некрополя Новониколаевска–Новосибирска, который очень плохо сохранился. Причины частичной сохранности метрических книг костела неизвестны. Возможно, эти документы погибли в период Гражданской войны и хозяйственной разрухи. Поляки – жертвы Гражданской войны, среди которых, несомненно, были как сторонники Колчака, так и большевиков, нам также почти неизвестны. До наших дней дошло мало документов, относящихся к работе польской контрразведки. Сведения, отраженные в воспоминаниях большевиков-подпольщиков, отрывочны. Они могут содержать ошибки. Это время характеризуется невозможностью внимательного отношения к памяти погибших, их достойного погребения и тщательной фиксации их имен. После отступления белой армии город Новониколаевск оказался завален десятками тысяч трупов. Работники службы Коммунального хозяйства и Чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом физически не могли установить имена всех погибших и захоронить их в отдельных могилах. По всей видимости, в братские могилы и печи крематория попали и неопознанные останки поляков – жертв войны. Наиболее полные сведения о поляках, погребенных в Новониколаевске, относятся к периоду 1921–1923 гг., когда относительно стабилизировалась политическая обстановка и повседневная жизнь, соответственно стала более аккуратно вестись документация. В ближайшие годы будут постепенно рассекречиваться документы, относящиеся к 1920-м гг., что даст возможность дальнейшего изучения польского некрополя Новониколаевска.

Библиографический список

1. *Адоньева И.Г., Красильникова Е.И.* Страна, завод, люди. Авиационный завод им. В. П. Чкалова в воспоминаниях ветеранов. – Новосибирск, 2011.
2. *Грезин И.Н., Шумков А.А.* Краткое пособие для описывающих русские некрополи за рубежом. – СПб., 2000.
3. *Данилевский Н.И., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. – М., 2002.
4. Новосибирский некрополь. – Новосибирск, 2009.
5. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск, 2005.
6. *Соколов А.К., Бокарев Ю.П., Борисова Л.В.* Источниковедение новейшей истории России. Теория, методология и практика. – М., 2004.
7. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. – М., 2003.
8. Томский некрополь (по документам фонда великого князя Николая Михайловича в РГИА). – СПб., 2010.
9. Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.). – Томск, 2001.
10. Томский некрополь. Южное кладбище. – Томск, 2010.
11. *Шмидт С.О.* Путь историка: избр. тр. по источниковедению и историографии. – М., 1997.
12. *Щеглова Т.К.* Методика сбора устных исторических источников. – Барнаул, 2006.
13. *Хоффман А.* Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. – М., 1994. – С. 42–49.